

Среди недостатков издания можно также отметить отсутствие научного описания оригинала, с которого был осуществлен перевод на русский язык. Отсутствует даже формальная характеристика аппарата публикации, и поэтому о том, какой текст помещен в квадратные скобках, читатель должен догадаться самостоятельно. Остается непонятным четырехчастное деление памятника: сам ли автор разбил текст таким образом, или это инициатива публикатора. Вызывают сожаление периодически встречающиеся опечатки. Так, на с. 257 в описании биографии П.П. Ласси упоминается «шведская война 1742–1743 гг.», а на с. 260 уже «русско-

шведская война 1741–1743 гг.». На с. 507 в списке литературы в кратком описании книги, которое используется Возгриным для внутритекстовых сносок, ошибочно указано «Haven, 1957» вместо «Haven, 1757», что крайне прискорбно для документальной публикации, задача которой стать основой для последующих исторических исследований.

В целом же хочется отметить безусловную ценность издания, вводящего в научный оборот полный вариант источника о жизни России времен Анны Иоанновны.

**А.Г. Гуськов, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

П.Д. Николаенко. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России; «Европейский дом», 2009. 780 с., ил.

Книга доцента кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД П.Д. Николаенко – это первая научная биография одного из выдающихся представителей российской бюрократической элиты конца XVIII – первой трети XIX в., написанная хорошим литературным языком и выходящая далеко за рамки историко-юридического исследования. Автор задался целью максимально полно проследить жизненный путь В.П. Кочубея и, не поступаясь требованиями объективности, скрупулезно изучить наиболее спорные моменты и недостаточно проясненные эпизоды его биографии. Следует признать, что ему удалось успешно решить поставленную задачу.

Работа Николаенко является итогом многолетних изысканий в архивах и библиотеках нашей страны и зарубежья. Ценные находки были сделаны им в РГИА, АВП РИ МИД РФ, РГАДА, РГА ВМФ, ГА РФ, а также в Центральном державном историческом архиве Украины, Державном архиве Черниговской области и Державном архиве Полтавской области. Особо надо отметить тщательное изучение описи Диканьского архива Кочубеев, позволившее автору существенно уточнить отдельные моменты деятельности своего героя. Личный архив Кочубея пропал во время Великой Отечественной войны, и многие важные документы, хранившиеся в нем, едва ли когда-либо будут найдены, опись же Диканьского архива дает возможность в какой-то степени восполнить эту утрату. Характернейшая черта работы Ни-

колаенко – стремление максимально использовать все исследовательские возможности для углубленного и всестороннего анализа избранной темы. Трудно назвать такой предмет или сюжет, связанный с Кочубеем, который не получил бы всестороннего освещения в книге. Можно лишь пожалеть о том, что в ней отсутствуют предметный и именной указатели.

Хотя в конце жизни Кочубей занимал высшие посты в империи и стал канцлером по внутренним делам, в центре внимания автора – его деятельность на посту министра внутренних дел. Наиболее значимой является пятая глава, названная «Не было министра в России просвещеннее и способнее к его званию». Эти слова владимирского губернатора кн. И.М. Долгорукова вполне могли бы служить эпиграфом ко всей книге. Представляют немалый интерес и составленные Николаенко социальные портреты различных категорий служащих МВД. Автор исследовал формулярные списки чиновников этого ведомства, успешно применяя методы, разработанные в свое время П.А. Зайончковским и С.В. Мироненко. В итоге ему удалось с достаточной степенью полноты охарактеризовать личный состав МВД и основные тенденции кадровой политики Кочубея. В частности, Николаенко основательно разработал вопрос о роли и месте масонов в МВД. При этом автор использовал количественные методы для обработки материалов Особенной канцелярии МВД, содержащих сведения о принадлежности служащих в министерстве к «вольным каменщикам».

Следовало бы только оговорить изначальную неполноту содержащихся в этих документах данных, так как далеко не все «дети вдовы» считали возможным сообщать правительству о своих масонских связях (особенно это относится к розенкрейцерам). Но даже учитывая это, едва ли можно предположить, что масонов в МВД было намного больше, нежели указывал Николаенко.

Поднимая такую сложную тему, как «Кочубей и масонство», пожалуй, нельзя было не отметить тот факт, что будущий глава МВД вступил в ложу в тот период, когда уже довольно явственно обозначилось отрицательное отношение Екатерины II к масонам, а правительство, не прибегая к открытым гонениям, начинало смотреть на них подозрительно. Едва ли это можно объяснить лишь «увлечениями молодости», скорее всего, тут сказалось влияние дяди – А.А. Безбородко, если и не являвшегося масоном (во всяком случае, документально это не подтверждено), то сочувствовавшего «вольным каменщикам», ориентировавшимся на вел. кн. Павла Петровича¹. Это довольно интересная черта для характеристики Кочубея – прагматика и практика, избежавшего бесполезного риска, но умевшего рисковать для достижения намеченной цели. В этой связи следует указать на один известный и важный факт из его конспиративной жизни, о котором не упоминается в книге. В 1797 г. вел. кн. Александр Павлович отправил за границу Н.Н. Новосильцева, которому поручалось встретиться с Ф.Ц. Лагарпом и получить его наставления относительно реформ, необходимых в России. Новосильцев вез с собой письмо великого князя и должен был привезти ответ Лагарпа. Тем временем в руки Павла I попал донос подполковника П.Е. Батурина, вследствие которого Новосильцева по возвращении в Россию должны были арестовать, отобрав все находившиеся при нем бумаги. Именно Кочубей через русского посла в Лондоне гр. С.Р. Воронцова сумел предупредить Новосильцева о грозившей ему опасности и спасти наследника престола². Не сделай он этого рискованного шага, возможно, в российской истории не было бы не только Негласного комитета, но и императора Александра Павловича. К сожалению, Николаенко не смог восстановить во всей полноте тщательно скрытую от посторонних глаз конспиративную деятельность Кочубея как члена оппозиционного кружка наследника престола.

Отдельная глава посвящена взаимоотношениям Кочубея со своим бывшим подчиненным М.М. Сперанским в различные периоды их жизни. Тщательно анализируются и отношения Сперанского и Кочубея с всемогущим

«визирем» А.А. Аракчеевым. Проявляя незаурядное чутье и интуицию, Николаенко психологически точно обрисовывает их неоднозначный характер. Он опровергает обвинения некоторых современников и исследователей, утверждавших, что Кочубей из карьерных соображений льстил и угождал временщику, и убедительно доказывает благородство действия сановника, вынужденного в сложных условиях, не поступаясь принципами, искать возможности для продолжения реформаторской политики. Деятельность Кочубея на посту председателя «Комитета 6-го декабря», Государственного совета и Комитета министров в царствование Николая I представлена в книге с такой же обстоятельностью. Кроме того, эта работа несомненно заинтересует политиков, дипломатов, политтехнологов, журналистов и всех, кто будет обращаться к политической актуальной истории российско-украинских отношений – судьба малороссийского дворянина, достигшего в Российской империи высших государственных постов, даст им богатую пищу для размышлений. «Хотя я по рождению и хохол, – писал Кочубей малороссийскому генерал-губернатору Н.В. Репнину, – но я более русский, чем кто другой и по моим принципам, и по моему состоянию, и по моим привычкам. Мое звание и занимаемый мною пост ставят меня выше всяких мелких соображений. Я смотрю на дела Ваших губерний с точки зрения интересов нашей страны. Микроскопические виды не мое дело» (с. 653–654).

Стремясь к объективному изображению деятельности Кочубея, Николаенко все же не сумел избежать некоторой идеализации своего героя, что свойственно едва ли не всем биографическим исследованиям. Особенно ярко это выразилось в сравнительной характеристике Н.С. Мордвинова, А.Б. Куракина и Кочубея (с. 632–633). Автор допустил и ряд мелких погрешностей и неточностей, впрочем, легко устранимых при дальнейшей работе. Так, говоря о событиях 1795 г. он называет А.А. Безбородко князем (с. 56), хотя данный титул тот получил позже. Кроме того, в 1794 г. он уже не являлся «фактическим управляющим внешнеполитическим ведомством России» (с. 89), уступив эту роль П.А. Зубову. Неверно объяснять причину охлаждения Павла I к Кочубею взбалмошным и неуравновешенным характером царя, а опалу Безбородко – интригами врагов и завистников (с. 101–103). Канцлер пытался затормозить расследование возникшего в Смоленске заговора, участники которого ориентировались на вел. кн. Александра. Это подорвало доверие к нему императора, что не могло не сказаться на положении его родственника и протеже Кочубея³. Поводом

для вызова П.А. Строганова из Франции в Россию послужило не вступление в клуб якобинцев, как полагает автор (с. 72), а участие в гражданских похоронах своего слуги Клемана⁴. Нельзя, кстати, согласиться с тем, что через 10 лет «от его французского якобинства осталась... склонность к осуществлению реформ (даже либеральных) радикальным путем» (с. 125). На самом деле Строганов был наиболее умеренным членом Негласного комитета и таковой склонности не проявлял, с иронией относясь к парижскому периоду своей жизни⁵. Сын Е.Р. Дашковой П.М. Дашков назван по ошибке Михаилом Михайловичем (с. 66). М.А. Милорадович в большинстве случаев именуется генерал-губернатором (с. 311, 313, 355, 362), и лишь однажды его должность названа правильно – «военный генерал-губернатор» (с. 341). По мнению Николаенко, Николай I «плохо разбирался в людях» (с. 563), между тем общение царя с декабристами во время следствия свидетельствует о том, что он был тонким психологом. Автор указывает, что только Н.С. Мордвинов не проголосовал за смертную казнь декабристам (с. 563), однако духовные члены Верховного суда также отказались подписывать смертный приговор.

Отмеченные недостатки не снижают высокой оценки исследования, представляющего

не только сугубо научный, но и историко-культурный интерес. Думается, что ценный труд П.Д. Николаенко займет достойное место в ряду современных биографических исследований о русских государственных деятелях первой трети XIX в.

М.М. Сафонов,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский Институт
истории РАН)

Примечания

¹ Его попытки защитить московских масонов от притеснений со стороны правительства подорвали доверие к нему императрицы. См.: Сафонов М.М. Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 140–142, 181–182.

² Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 66; Архив кн. Воронцова. Т. 18. М., 1884. С. 161–162.

³ Сафонов М.М. Проблема реформ. С. 58–59.

⁴ Safonov M. L'histoire de mon temps de Pavel Aleksandrovitch Stroganov. (1803) // Les archives de l'Est et la France des lumières. Ferney-Voltaire, 2007. P. 623.

⁵ Safonov M. Op. cit. P. 679.